



**Т**ридцатого октября 1928 года я покинул Нью-Йорк и, навсегда оставив позади привычную жизнь, отправился в Касл-Комб, городок моего детства в Новой Англии.

Ревущие двадцатые обрушились в пропасть со стоном умирающего зверя. Уже были бедолаги, которые пустили себе пулю в лоб, не в силах перенести крушение биржи. Находились и те, кто наивно уверял себя в том, что все еще как-то утрясется. Я, по счастью, не принадлежал ни к первым, ни ко вторым. Работа журналистом криминальной хроники приучила меня остро мыслить, анализировать и понимать: это не просто крах биржи, это крах всего привычного мира — и лучше пересидеть его где-то в тишине.

Касл-Комб как раз и был таким тихим местом, в котором можно укрыться от жизненных бурь. У меня имелись кое-какие сбережения, а самое главное — был старый дом, в котором прошло детство. Сейчас он казался мне надежным укрытием от любого финансового шторма.





В былые времена осенние пейзажи Новой Англии завораживали меня. В них виделось что-то вдохновляющее и таинственное. Но теперь, когда автомобиль миновал развилку дорог у Эйнбро, в картинах окружающей природы была только тоска. Судя по зарослям бурьяна и дикого шиповника, земля здесь не возделывалась много лет. Изредка встречались жалкие лачуги и убогие огороды — после огней и небоскребов Нью-Йорка они казались особенно тоскливыми. Обитатели хижин провожали мой автомобиль весьма неприязненными взглядами, словно советовали чужаку проваливать и не останавливаться.

Чем дальше я ехал, тем явственнее становилось чувство прикосновения к чему-то непонятному. Мир, к которому я привык, остался где-то очень далеко. Не был ли он мифом или сном? Казалось, я пробудился от грез. Кредиты и мафия, сухой закон и танцы в клубе «Коттон», бутлегеры и перестрелки, электричество и радио, джаз и кинематограф будто превратились во что-то ненастоящее, выдумку или мечту. А реальностью были осень, облетающие клены, пыльные дороги, полуразрушенные каменные ограды, заболоченные луга в низинах и густые леса.

Когда-то все это было моей сказочной страной. Когда-то. Автомобиль переехал старый каменный мост через тонкую ленту речушки, погрузился в лес, вынырнул из него, и я увидел знакомые крыши Касл-Комба, залитые тихим светом вечернего солнца. С первого взгляда было ясно, что городок переживает не лучшие времена, но он был таким и в пору моего детства, и, как я подозревал, задолго до этого. Есть места, наполненные тленом и унынием, и лучше к ним не приближаться: каждое надежно хранит свою тайну.

Тайной Касл-Комба был мой дядя Альберт Финниган. Двадцать лет назад мы с родителями и дядей жили в доме





на Эшбери-стрит, который построили наши далекие предки. Темная громадина в георгианском стиле давно обветшала, и ее угрюмый вид как нельзя лучше соответствовал тому, что говорили об Альберте Финнигане.

В Касл-Комбе его считали колдуном. Вряд ли нашелся бы человек, который рассказал о моем дяде хоть что-то хорошее. Болтали, будто в День Всех Святых и Вальпургиеву ночь он приносит жертвы дьяволу в лесах за городом. Утверждали, что он может вызывать сильный ветер, ломающий самые старые деревья, — и бури, частые по осени в этих краях, тоже его рук дело. Говорили, что библиотека в доме полна старинных преданий и книг по черной магии и что непосвященный умрет от ужаса, едва прочтя строчку. В моих детских воспоминаниях дяде Альберту льстил всеобщий трепетный страх, и по улицам городка он гулял так, словно был истинным королем этих мест.

Из-за скверной репутации дом на Эшбери-стрит старались обходить стороной, хотя стоило кому-нибудь из обитателей Касл-Комба заболеть чем-то серьезнее простуды или несварения желудка, как он стучал в двери Финнигана и смиренно просил о помощи. Тогда дядя выносил какие-то порошки и травы, и исцеление не заставляло себя долго ждать. Местный священник, впрочем, неустанно твердил, что лучше погубить тело, чем бессмертную душу, но в Касл-Комбе мало заботились о душе. Тело требовало больше внимания, особенно с учетом того, что доктор Корвин очень много знал о домашнем вине, но не о лечении болезней.

Двадцать лет назад, в День Всех Святых, мой отец убил своего брата. Вот почему мы покинули городок и отправились в Нью-Йорк. Память не сохранила подробностей жуткого вечера: я помнил только, как мать выбежала из дома, таща меня следом за руку. Тем вечером ветер поднялся





одновременно со всех сторон, будто пытался остановить нас. Обернувшись, я увидел свет в кабинете дяди и услышал выстрел.

В тот же миг ветер стих, словно его и не было. Узнав о смерти колдуна, жители городка дружно сказали: «Слава богу». Священник сразу же отпустил моему отцу грех бра-тоубийства, а полиция осмотрела дом и постановила, что Альберт Финниган покончил с собой. Это устроило всех. В семье больше не говорили ни о дяде Альберте, ни о старом доме, хотя отец ежегодно отправлял небольшую сумму Уилберу, слуге, который следил за порядком. После смерти родителей я продолжил выплаты, чек ни разу не возвращался, так что меня было кому встретить.

Для любителей старины городок оставался настоящей сокровищницей, но кривые улочки и полуразвалившаяся церковь готического стиля внушали мне сейчас лишь печаль. Когда-то я любил Касл-Комб, бегал по его улицам, залитым солнцем, прятался от дождя в полуразрушенных домах, придумывал сказки, забираясь на ветви толстых яблонь, и в городе не было для меня тайн. Теперь же я видел лишь убогую мерзость запустения, а не волшебное королевство, и тоска по ушедшему детству задела меня глубже тоски по покинутой жизни в Нью-Йорке.

Дом моего дяди нависал над Эшбери-стрит угрюмой громадой. Теплый осенний вечер придавал всем городским домишкам некоторую легкость, но не особняку, в котором прошло мое детство. Часть окон на втором этаже была заколочена, и я вспомнил, что когда-то там располагался кабинет дяди Альберта. Чем дольше я смотрел, тем отчетливее чувствовал нечто зловещее, невнятное.

Я припарковал автомобиль, вышел и, поднявшись по ступеням, постучал в дверь. Ждать пришлось долго, но наконец-то





в доме послышался шум, дверь отворилась, и я увидел Уилбера. Когда-то он казался мне стариком — впрочем, для детей все, кто старше сорока, старики. Сейчас же я ясно видел, что ему хорошо за восемьдесят.

Представляться не потребовалось: старик узнал меня и обнял со слезами на глазах.

Я занял свою прежнюю детскую — маленькую комнату, окна которой выходили в запущенный сад на заднем дворе. Когда-то ветви деревьев там были усеяны яблоками, я собирал мелкие душистые плоды, а мама варила из них варенье. Однажды, когда я проводил время в саду с корзиной в руках, внезапно поднялся ветер, и одно из яблок, сорвавшись с ветки, крепко ударило меня по голове. В тот день отец сильно поссорился с дядей Альбертом, решив, что это его работа.

Уилбер постучал в дверь и вырвал из воспоминаний, сообщив, что ужин готов. На столе была тощая курица с тыквенным рагу, и я пригласил Уилбера разделить со мной трапезу. За едой мы говорили о том о сем, и старик упомянул, что в местную газету «Дэйли Касл-Комб» требуется толковый репортер, и добавил:

— Благослови Господь вашего отца, мистер Джонатан, за то, что он сделал. Не ко времени вы вернулись в родные края, буду молиться, чтобы вы не пошли по дорожке вашего дяди.

Сказано это было совершенно неожиданно, не имело отношения к теме беседы, поэтому я спросил:

— Почему же не ко времени?

— Так завтра же День Всех Святых! — ответил Уилбер с таким видом, будто досадовал на меня за то, что я не понимаю самых простых вещей, которые известны даже детям. — Сами знаете, что в это время дьявол, хозяин ветров, выбирается из лесных глубин и ходит по земле! Ваш дядя





умел найти с ним общий язык. Бывало, я слышал, как он разговаривал с ветром, а ветер отвечал ему, свистя за окнами.

Будь мы в Нью-Йорке, я бы непременно высмеял эти глупости. В городках вроде Касл-Комба всегда рассказывают байки о дьяволе и его темных делах — надо же людям как-то скоротать время и пощекотать нервы. Но осенним вечером, в сумрачной столовой старого дома, едва освещенной маленькой лампой, слова Уилбера не казались нелепыми. Я чувствовал зловещий смысл, который наполнял их, и вспоминал, как в детстве в ветреные ночи лежал на кровати, укрывшись одеялом с головой и слушая, как в свисте и шепоте ветра сами собой возникают слова на чужом пугающем языке. А со второго этажа доносилась неразборчивая речь дяди Альберта, и, как ни старался, я не мог понять, о чем он спрашивает ветер.

Я заверил Уилбера, что не собираюсь разговаривать ни с какими дьяволами. Хватило мне чертей в человеческом обличье, которых я встречал на окраинах Нью-Йорка! Старик, как мне показалось, вздохнул с облегчением.

— Вот и слава Господу и всем святым его, — произнес Уилбер. — Кровь в ваших жилах, кровь рода Финниганов, привлечет дьявола из его лесов. Но тут уж все зависит от вас: продадитесь вы ему или сохраните стойкость.

Стоит ли упоминать, что спать я отправился с беспокойной душой. На улице давным-давно стемнело, принялся накрапывать дождик, и я решил не включать лампу. Это было глупое чувство, и я высмеял себя за него, но мне казалось, что, пока я не включаю свет, что-то пугающее снаружи, во мраке, не увидит меня.

Спалось мне тревожно. Я видел сумрачные миры, состоящие сплошь из лестниц, по которым поднимаешься, чтобы спуститься. Лестницы сменялись багровыми пустошами





до горизонта, по потрескавшейся земле двигались люди в плащах с капюшонами, но сама пластика их движений говорила о том, что в них больше змеиного, чем человеческого. Пустоши таяли, уступая место бескрайнему темному морю, и в глубине волн угадывались очертания городов, затонувших задолго до того, как первый предок человека взял в руки камень. От всех видений веяло мучительной тайной — такой, которую хочешь разгадать и боишься, потому что понимаешь: есть такое знание, которое уничтожит и разум, и душу.

Но чем глубже я погружался в сны, тем сильнее становилось стремление к тайне. Удивительные и пугающие миры влекли меня, и в них был соблазн, которому почти нельзя противостоять. Я протягивал руку и снимал вуаль с древних истин, а шепот ветра становился все ближе, все яснее и разборчивее.

Я проснулся глубокой ночью оттого, что где-то снаружи прозвучал окликающий голос — кто-то позвал меня по имени. Сев на кровати, я всмотрелся в окно: дождь закончился, в прорехи туч выглядывала луна, и ветер играл с ветвями яблонь, насвистывая тоскливую, невнятную песню.

Шелест повторился, и теперь я отчетливо различил в нем свое имя: «Джонатан». Ветер усиливался, гнал прочь обрывки облаков, и полная луна казалась мутным глазом, который таранился в мое окно.

Вспомнились ночи, которые я провел в этом доме, кутаясь в одеяло и вслушиваясь в голос ветра. Он звучал то ласково, то угрожающе, то вздымался к небесам колоссальным хором, то осыпался шепотом единственных уст, и в каждом его слове таилась беспредельная тайна. А тот, кому она предназначалась, стоял у открытого окна в кабинете и задавал





вопросы, но — как я ни наострял уши — не мог разобрать ни слова.

Дядя Альберт был одержим знаниями. Он мог потратить все деньги и несколько дней сидеть в прямом смысле слова на хлебе и воде, но купить нужный ему том. Я помнил, что в его библиотеке были философские трактаты, которые академическая наука считала утерянными, издания с таинственными названиями вроде «Поэма червей» или «Голос мертвых», от одного вида которых по спине пробегал холод, была даже книга, по легенде написанная самим дьяволом в конце XV века в Испании. Но дядя оставался ненасытным. Стремление к новым знаниям делало его почти безумным, оно было сильнее голода или жажды, и как-то раз за ужином мой отец назвал брата одержимым.

— Да! — рассмеялся тогда дядя Альберт. — Считаю меня безумным, если хочешь. Но я заглядываю в такие глубины, где разум и безумие, жизнь и смерть уже не имеют смысла!

— А что имеет смысл, дядя Альберт? — полюбопытствовал я, и мама толкнула меня ногой под столом. Дядя дружески взлохматил мои волосы и ответил:

— Только ветер, дружище Джонатан. Ветер и то, о чем он говорит мне.

И теперь ветер звал меня по имени, в его свистящем шепоте я чувствовал обещание. Но если дядя Альберт испытал бы восторг, то меня окутало страхом. Я свернулся под одеялом, накрыв голову подушкой, и провалился в сон без сновидений.

Утром после скромного завтрака из яичницы с ветчиной и жидкого кофе я отправился на прогулку по городу. Снова выглянуло солнце, и Касл-Комб при всей его запущенности казался вполне приветливым. Основательная





архитектура старых домов, облетевшие сады, дети, которые расставляли тыквенные фонари на ступенях, чтобы отпугивать злых духов, — нет, сейчас Касл-Комб выглядел весьма сердечно, и я не пожалел, что приехал сюда. Соседи здоровались со мной, булочник предложил свежую выпечку, и я ощутил некое расслабленное спокойствие, которое, однако, тотчас развеялось после весьма ощутимого тычка в плечо.

Обернувшись, я увидел немолодого мужчину в потертом костюме и, покопавшись в памяти, опознал в нем Джеймса Корвина, сына того доктора, который когда-то пытался лечить горожан, проигрывая конкуренцию моему дяде. Судя по свирепому выражению одутловатого лица, Джеймс унаследовал практику отца и чувствовал во мне соперника — иначе с чего бы ему так меня толкать?

Уточнив мое имя и коротко поприветствовав, Джеймс не стал тратить время на любезности и сообщил, что пересчитывает мне все зубы и выкинет меня из Касл-Комба, если я вознамерился заниматься теми же делишками, что и Альберт Финниган, и уводить пациентов у достойных людей и опытных специалистов. Я горячо заверил его, что не собираюсь посвящать время медицине, рассказал о своей профессии, которая не имеет ничего общего с врачебным делом, и, когда Джеймс немного успокоился, кивнул в сторону крохотного грязного ресторана, предложив исправить неприятное начало знакомства чашкой кофе и куском пирога.

От кофе и пирога Джеймс отказался, но, когда мы сели за столик у окна, подошел к делу основательнее, заказав виски. Для выпивки по нью-йоркским меркам было рановато, однако в Касл-Комбе испокон веков считали, что не стоит отказываться от стаканчика в хорошей компании. Примерно час мы беседовали о погоде, тыквах, жизни соседей и после





третьей рюмки стали лучшими друзьями. Когда же налили четвертую, Джеймс задумчиво уставился в нее и сообщил:

— Они ведь все умерли. Все, кто брал лекарства у твоего дяди, отправлялись к праотцам в течение года.

Я насторожился. Репортерское чутье у меня всегда работало отменно и без осечек подсказывало, где можно найти информацию для статьи или очередного журналистского расследования. Я немедленно поинтересовался причинами смерти, и Джеймс рассказал, что всему виной были несчастные случаи или самоубийства. Кто-то свалился с крыши, кто-то поскользнулся на улице и свернул себе шею, миссис Несбит уколола палец ржавой иглой, а мистер Коллинз повесился, когда его невеста ушла к другому.

Конечно, я усомнился в том, что всему виной были порошки, которые давал страждущим мой дядя. Люди порой умирают просто так, без чужой злой воли. Однако мой новый приятель свято верил в то, что к веренице несчастных случаев в Касл-Комбе приложил руку именно Альберт Финниган. У Джеймса даже было объяснение, зачем он это делал.

— Твой дядя якшался с дьяволом, это всем известно. А чем он расплачивался с хозяином ветров? Чужими жизнями, пока не отдал свою!

В ответ я заметил, что врачу, который учился в университете, не следует так вдохновенно углубляться в суеверия, но Джеймс парировал, что после смерти Альберта Финнигана больше никто не умирал от несчастных случаев и не завершал жизнь самоубийством. Я не нашелся с ответом, мы выпили пятую рюмку и разошлись, довольные друг другом.

Вернувшись домой, я хотел было порасспрашивать Уилбера о городских несчастных случаях и самоубийцах, но старик успел куда-то уйти, и я решил провести время, разбирая бумаги в кабинете дяди. Если я в самом деле устроюсь





на работу в «Дэйли Касл-Комб», то мне нужен кабинет, а не детский столик, за которым я когда-то учился читать и писать.

Кабинет оказался не заперт, ковер рядом с ним был тщательно выметен, а натертая ручка ярко блестела, как и прочие вещи по всему дому. Но когда я толкнул дверь, мною овладело чувство беспомощности человеческой песчинки перед чем-то колоссальным и непостижимым. Списывая все на выпитый виски, я вошел в кабинет и первым делом решил, что надо будет убрать импровизированные ставни, если я собираюсь здесь работать.

В кабинете все сохранилось так, как было при дяде Альберте. Я прошел мимо книжного шкафа, всматриваясь в золотые буквы на корешках книг, и с внутренней усмешкой понял, что большую часть якобы колдовской библиотеки составляли самые заурядные философия, медицина и ботаника. Конечно, я увидел и те сочинения оккультистов, на которые дядя Альберт не жалел денег, но в общем и целом его библиотека сейчас казалась обычным собранием провинциального ученого.

Вот что делает с людьми невежество! Ученость они объясняют черной магией, ученого обвиняют в шашнях с дьяволом. Мысленно потешаясь над дремучестью обитателей Касл-Комба, я прошел к старинному дубовому столу дяди и решил, что он вполне подойдет для моей работы. У меня были сбережения, но бездельничать я не собирался — тем более что при нынешней ситуации в стране любые сбережения могли превратиться в горсть бумажек.

Заметив на столе толстую тетрадь в темном кожаном переплете, я открыл ее и понял, что передо мной дневник дяди Альберта. Стоило мне всмотреться в первую запись, которая туманно сообщала о том, что ветер поднимается





со ступеней в сердце леса, я снова ощутил беспокойство, словно меня сверлили чьи-то пристальные взгляды. Вновь списав все на выпитый виски, я закрыл тетрадь, взял ее со стола и решил выйти на свежий воздух.

Шагая по петляющим улочкам Касл-Комба, я вскоре оказался за городом и, поднявшись по краю холма, который нависал над ним, словно высунутый язык, вышел на опушку леса. Когда-то я прибежал сюда собирать ежевику — вон они, знакомые кусты, которые разрослись пышным ковром. Приносил я и шиповник, и мама заваривала его зимой, не доверяя снадобьям дяди Альберта. Впрочем, он никогда не предлагал лечить ее, меня или брата.

Городок лежал передо мной как на ладони. Я опустился на траву, открыл дневник и прочел: «Ветер поднимается со ступеней в сердце леса. Я слышу его голос, полный сладчайших обещаний. Что нашептывал урей в головном уборе своим хозяевам-фараонам; куда греческие боги забирали невинных дев из грязных людских селений, воняющих овчиной; кто воздвиг пирамиды в глубинах джунглей и какие книги лежат во тьме под лапами египетского сфинкса. Он обо всем готов рассказать мне».

Я невольно вспомнил свой сон, в котором лестницы переплетались и изгибались под углами, словно были неподвластны любой геометрии. По ним приходилось спускаться, чтобы подняться, — и мне вдруг стало понятно, почему дядя Альберт был так поглощен словами ветра.

В Касл-Комбе время остановилось. Люди уныло влачили свое существование, даже не пытаясь вырваться из болота. Джеймс учился в университете, но вернулся и превратился в такого же дремучего дурака, выпивкой заливавшего тоску по потерянным надеждам и мечтам. День завтрашний ничем не отличался от дня вчерашнего, и люди, испытывая





постоянный голод не по еде, а по событиям, давно привыкли к нему.

Но для такого человека, как дядя Альберт, голод знаний был хуже смерти. Он не хотел заживо гнить в Касл-Комбе, переползая из одного дня в другой, и голос ветра стал для него откровением, счастьем и сбывшейся мечтой. «Уехать я не могу, — прочел я, перевернув страницу. — Финниганы испокон веков жили в Касл-Комбе, они прикованы к этому месту и всегда обречены возвращаться. Ветер настроен на них, словно радио. Финниганы слышат его и приносят ему награду за откровения. Стоит ли жизнь человеческой “коровы” правды о том, что закопали в основании Парфенона остроголовые жители Марса? Я отдал бы десяток таких “коров”, лишь бы только он продолжал говорить!»

Чем дальше я вчитывался, тем сильнее убеждался в безумии дяди Альберта. Дневник подтверждал идею Джеймса: все, кого лечил Альберт Финниган, впоследствии умерли. Потому что ничего на свете не дается просто так. Ты можешь получить все что угодно, но должен заплатить за это. И Альберт Финниган расплачивался чужими жизнями за тайны мироздания, которые ему открывались.

«Либо ты отдаешь чужую жизнь, либо заплатишь своей. — Постепенно дневник дяди Альберта начал напоминать инструкцию. — Чем больше ему отдано, тем он сильнее. Однажды, в один ужасный и прекрасный день, он поднимется по лестнице, выйдет, величественный и могучий, и тогда земля станет голой равниной, домом всех ветров.

Но пациентов у меня все меньше. Проповеди отца Патрика, который неумолчно твердит о грехе и связях с дьяволом, и скандалы, чуть ли не каждый день устраиваемые Корвином со своим сынком, влияют на Касл-Комб. А голос





шепчет, что я еще не узнал, кого призывали индейцы в своих ритуалах, выплясывая перед деревянными статуями, измазанными кровью, и как эти призванные связаны с дворцами в глубине джунглей Юньнань в Китае. В нем соблазн, который не преодолеть, в нем искушение, которому нельзя противостоять, в нем власть над этим миром и всеми мирами, к которой я могу прикоснуться. Познай истину — и истина сделает тебя свободным. Познай свободу — и тогда будешь царствовать и править! Мой племянник, кажется, простудился. Обычно я не предлагаю лекарств своей семье, но сейчас незачем медлить».

Я закрыл дневник и понял, что просидел над ним до вечера. Сумерки выползли из леса, последние лучи солнца играли на черепице крыш Касл-Комба. Все в голове смешалось: Альберт Финниган, который хотел не просто знающий, но власти над миром, горбатые драконы на китайских домах, заброшенные города майя в сердце гнилых джунглей, бесчисленные глаза плотоядных цветов из колец Сатурна, милость которых покупали, бросая в печи новорожденных.

Так вот почему отец схватил пистолет в тот вечер! Дядя хотел принести меня в жертву голосу ветра и пал от руки брата. Мы сбежали из Касл-Комба, и голос, который мой отец тоже слышал по праву крови, перестал звучать в его ушах. Должно быть, отец радовался, гуляя по улицам Нью-Йорка и никогда не заходя на окраины. Он избавился от голоса ветра и надеялся, что я никогда не вернусь в Касл-Комб.

И вот я здесь, потому что от судьбы не убежишь.

Ветер усиливался. По недавно чистому небу побежали облака, в лесу скрипели, раскачиваясь, вековые сосны. Минувшие бесчисленные ступени, ведущие в другие миры через сердце земли, спускался ветер, чтобы подняться ко мне.





«Джонатан, — слышал я его голос, наполненный ядом соблазна. — Джонатан, открой мне слух и душу. Твой дядя, провинциальный оккультист и великий идиот, жаждал власти. Но ты, профессиональный репортер, всегда докапывался до правды и справедливости, и я дам тебе их. Познай истину — и истина сделает тебя свободным. Познай свободу — и она даст тебе справедливость. Ту, которой ты добивался, описывая расследования преступлений, ту, для которой ты первым приезжал на место перестрелки, ту, ради которой ты спускался в грязные подземелья Нью-Йорка, чтобы подняться наверх».

Я бросил дневник на траву и побежал. Ветер двигался за мной, словно огромная стена или волна. Я слышал треск, с которым ломались деревья в лесу, чувствовал тяжелое дыхание, что било мне в затылок, одновременно подталкивая вперед и пытаюсь остановить. Точно такой же ветер гудел со всех сторон, когда темным вечером двадцать лет назад мы с мамой выбежали из дома. И тогда, и сейчас в нем не было ничего, кроме космического одиночества и такой же космической ярости.

Потом рассказывали, что я ворвался в Касл-Комб как безумный и буря шла за мной по пятам. Я пробежал по Лафайет-стрит, вылетел на площадь, миновал церквушку и обреченно понял, что не сумею спастись от силы, которая выворачивала булыжники из мостовой и срывала крыши с домов, раз уж она решила заполучить меня. Почти не помня себя, не разбирая дороги, я влетел в дом дяди Финнигана, захлопнул дверь, и в ту же минуту ветер стих.

Буря промчалась по Касл-Комбу и ушла. Электричества в доме не было, и старый Уилбер просидел на полу рядом со мной до утра, держа в руках свечу и уговаривая успокоиться и взять себя в руки. Ветер царапался за дверью,





словно просил впустить его, и я смотрел на дом, едва озаренный свечой, и видел бесконечные подземелья Индии, проложенные богами со змеиными телами, пустоши Австралии, испепеленные гневом тысячеруких насекомых из-за пределов познаваемой вселенной, рыболицых существ, ощупывающих затонувшие корабли в поисках золота.

И все в моей душе поднималось и двигалось навстречу этим мучительным и влекущим видениям. Это был восторг, перемешанный с ужасом, это был зов моих предков, моей крови и сути, которым я не мог противостоять.

Когда наступило утро, Уилбер отважился оставить меня и побежал к доктору Джеймсу за помощью. После того как подачу электричества восстановили, Джеймс связался с коллегами в соседнем городке, и меня отправили в клинику. Бьюсь об заклад, в Касл-Комбе все снова вздохнули с облегчением. Дурную траву с поля вон. И хоть я не стал этой дурной травой, меня все же предпочитали держать подальше от города и под замком. Признаться, я не имел ничего против. Врачи говорили, что мое состояние вызвано нервным срывом после краха биржи, которое усугубилось бурей, накрывшей Касл-Комб в День Всех Святых.

Разумеется, я не сказал им правды. Мне хотелось пережить кризис в отдалении от мира. Что ж, палата в лечебнице для душевнобольных ничем не хуже дома в городке моего детства. Однажды я вернусь в мир, поэтому не стоило болтать даже со стариной Уилбером и Джеймсом, которые изредка навещали меня. Про бурю в Касл-Комбе они не упоминали, а я и не спрашивал.

Миновала осень, прошла зима, отшумели весенние ручьи, и постепенно страх смягчился и ушел окончательно, уступив место почти головокружительному любопытству. По ночам я, свернувшись на больничной койке под





Почитать описание и заказать  
в МИФе

Смотреть книгу

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Проза:

